

следует помнить, что некоторые из этих мотивов обычны в причетях повсеместно, так как они представляют собой естественные выражения горестных настроений. В плачах самых разнообразных народов, никак между собою не связанных общением, повторяется просьба к умершему встать, сказать еще хоть слово, посмотреть на своих близких; высказывается желание лучше самому умереть, чем хоронить близких, лучше не родиться, чем переживать такое горе; повторяются вопросы — зачем покинул нас, чем был недоволен; обращаются с просьбой молиться за покинутую семью, и т. д. Общее свойство похоронных причетей у разных народов — гиперболизм в изображении горя: эта черта, между прочим, роднит и книжные и народные плачи.

Но несомненно, что к отдельным мотивам плача Евдокии можно найти и стилистически близкие параллели то в народных причитаниях, то в житийных и вообще церковных плачах, то в христианской лирике. Автор, как это видно и из других частей „Слова о житии и о преставлении“, был человеком хорошо начитанным, любителем изысканной риторички, которой он отдал дань и в плаче. Но тема повлекла здесь в его стиль и элементы устно-поэтической традиции.

Приведу несколько случаев совпадения мотивов плача „Слова“ с народными причитаниями. Евдокия сетует, на кого оставил ее муж с детьми: „мене едину вдовою оставив... кому приказываеши мене и дети свои“ — сравним: „Сирота бедна вдова да оставляется со безчастною со станицей детиною“; или дочь оплакивает отца: „Оставляешь ты нас, бедных, покидаешь нас безчастных“ (Е. Барсов. Причитания Северного края, т. I, М., 1872, стр. 11, 45). Обращаясь как к живому, Евдокия причитает по мужу: „Солнце мое, рано заходиши... звездо восточная, почто к западу грядеши“ — ср. „Укатилося красное солнышко... за часты звезды да подвосточныя“, „красно солнышко ко западу двигается“ (Барсов, ук. соч., стр. 1).

Евдокия горюет: „Не моего наряда одежда на себе въздеваеши и за царский венец худым сим платом главу покрываеши, за полату красную гроб сий приимаеши“ — ср. „Уж ты куды да снаряжаешься... у тя платица нездешняя“; вдова видит сон, что муж ушел в „хоромное строеньице“, а на кладбище находит „катучи сини камешки“ и могилу (Е. Барсов, стр. 27—28). — Евдокия сетует, что она с детьми осталась без отцовской ласки: „почто не промолвиши ко мне... чему, господине мой милый, не возриши на мя, чему не промолвиши ко мне? Что ради не зриаеши на мене и на дети мои, чему им ответа не даси“ — ср. „не будет им теперь ласкового словечушка без своего родного батюшки“, „вам ведь в ком искать великого желаньица и ласковых предестных словечушек“ (Е. Барсов, стр. 11). Как вдова народных причетей, Евдокия вспоминает радость жизни с мужем и обращается за сочувствием к окружающим: „Старыя вдовы, потешайте мене, а младыя вдовы, поплачите со мною“ — ср. в причетях обращение к „вдове благочесливой, спорядной соседушке“, к молодой вдове.

Евдокия жалеет, что не умерла раньше мужа. Эту формулу можно найти и в не биографий канонизованных князей. Так, в повести об Изяславе Мстиславиче в редакции Никоновской летописи под 1153 г. бояре отговаривают Ярослава Владимировича Галичского от борьбы с Изяславом Киевским: „лучше бы ся нам не родити, или родившеся, в землю погрестися, неже такову беду и напасть видети“. Ср. дочь причитает на могиле матери: „я жива лягу в колоду белодубову, я вкопаюсь с ей, горюша, во сыру землю“ (Е. Барсов, ук. соч., стр. 67).

Евдокия обращается к покойнику: „Крепко еси, господине, мой драгий, уснул, не могу разбудити тебе. С которыя воины еси пришел?